

Мария Петровых в мемуарах Эммы Герштейн.

*Ермолин Е.А., профессор кафедры культурологии
Ярославского педагогического университета*

Мемуары Эммы Герштейн целиком были опубликованы в Петербурге в 1998 году (издательство ИНАПРЕСС). Их автору в это время было 93 года. Э.Г. Герштейн была близко знакома с Анной Ахматовой, Львом Гумилевым, Осипом Мандельштамом, Надеждой Мандельштам, Марией Петровых. Они и стали героями ее воспоминаний.

Герштейн претендует на то, чтобы отобразить глазами очевидца эпоху 30-х годов. И она действительно является обладательницей уникального опыта, недоступного как жизненная данность следующим поколениям. Ахматова однажды вспомнила фразу, услышанную ею в очереди: «Вас здесь не стояло». Вот и нас там, в свинцовых 30-х годах, «не стояло». Мы не пережили тогдашней вакханалии мирового зла.

Воспоминания Герштейн, безусловно, явились бесценным свидетельством о давно миновавшей эпохе классического тоталитаризма. Свидетельством о том, как жил и выживал в щелях и недрах советского строя человек. Значимость их тем более велика, что написаны они одним из последних квалифицированных свидетелей эпохи. Это, пожалуй, - последние мемуары о 30-х годах, созданные не ребенком, а человеком вполне зрелым, осознанно воспринимающим происходящее с нею, с ее близкими, со страной. Герштейн, скажем прямо, принадлежит к кругу антисоветчиков-«недобитков», людей, которые ощущали себя чужаками в мире осуществившейся утопии, обернувшейся антиутопией. Эта среда, альтернативная официозу, уже была когда-то представлена в замечательных воспоминаниях Н. Мандельштам, О. Волкова, Л. Разгона, Л. Чуковской и др. И вот новая книга выносит на суд истории перипетии давнего прошлого.

Воспоминания Герштейн вызвали, однако, довольно сильный общественный резонанс не потому, что имеют несоветский колорит. У многих читателей возникли недоумения в связи с тоном автора при разговоре о тех, у кого она училась, с кем дружила. Он, этот тон, по мнению ряда критиков, часто лишен доброжелательности, а нередко - и снисходительности. «Жертвами» Герштейн стали Ахматова, Мандельштамы, Петровых, изображенные со всеми своими недостатками (реальными или мнимыми?), причудами и странностями...

Мемуариста поспешили упрекнуть в необъективности, в том, что она «сводит счеты», пользуясь тем, что некому ее поправить, некому возразить. Все давно мертвы.

Мы вправе, конечно, сказать, что любые мемуары субъективны. Автор их имеет право на свою точку зрения. Больше того, он не может не вписывать в изображаемую действительность себя, свое личностное отношение к происходящему - причем это отношение сложным образом сочетает старинные реакции и нынешний, актуальный взгляд мемуариста на события давнего прошлого. Отсюда и возникает пересеченный рельеф герштейновского повествования.

Однако ничто не обязывает нас принимать на веру все, что сообщает Герштейн. Мы можем также проверить мемуары Герштейн здравым смыслом и свидетельствами лиц, запечатленных в ее воспоминаниях, их родственников и друзей.

Обратимся к тем страницам воспоминаний, которые связаны с Марией Петровых.

Вопрос первый. Имел ли место роман Петровых и Осипа Мандельштама. Как известно, Мария Петровых входила в число ближайших друзей семьи Мандельштамов. Ей посвящено стихотворение Мандельштама «Мастерица виноватых взоров», названное когда-то Ахматовой «лучшим стихотворением XX века». Но в изложении Герштейн перипетии отношений Петровых и Мандельштамов выглядят довольно экзотично. Этот треугольник становится в полном смысле семейным.

Если взять ситуацию в общем виде, то такого нельзя исключить. Практика тройственных союзов в культуре начала XX века известна (например: Мережковский - Гиппиус - Философов, Осип Брик - Лиля Брик - Маяковский и т.п.), она соответствует

экспериментальному стилю жизни в среде модернистского культурного авангарда. Но переносить эту экспериментальную логику в личностный опыт необходимо с огромной осторожностью. Иначе интерпретирует ситуацию в треугольнике Осип Мандельштам - Надежда Мандельштам - Мария Петровых дочь Марии Сергеевны, Арина Витальевна Головачева. Опираясь на воспоминания матери, она говорит, что Мандельштамы в основном относились к Марии как к дочери. Их теплое отношение вызвано «бездетностью, потребностью в каком-то молодом существе» (здесь и далее цитаты из интервью с А.В.Головачевой по: Фигурнова О. О Мандельштаме, Марии Петровых и раковине в виде пепельницы // Кулиса НГ.- 2000.- №15).

Впрочем, нельзя не признать, что Осип Мандельштам одно время был не на шутку влюблен в Марию Петровых. На сей счет сохранилось достаточное количество свидетельств. Но Мария, судя по всему, не могла ответить ему, на его чувство взаимностью. А.В. Головачева комментирует это так: «Мама (...) воспринимала Мандельштама глубоким стариком и никак не могла ответить на его влюбленность.

Впрочем, я думаю, что и Осипу Эмильевичу не столько нужны были любовные отношения, сколько необходимо было кем-то восхищаться. Мама считала, что на самом деле он всю жизнь любил только Надежду Яковлевну (Мандельштам,- Е.А.Е.)». И еще: «...у мамы было (...) физическое отталкивание. Но, как я понимаю, со стороны Осипа Эмильевича это был порыв, который скоро закончился».

Второй вопрос. Действительно ли Мария Петровых донесла на Осипа Мандельштама в ОГПУ, доставив в советскую секретную полицию записанное ею стихотворение Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя Страны...» - уникальный сатирический портрет Сталина. Эта эпиграмма стала непосредственной причиной первого ареста Мандельштама и, наверное, всех его последующих бедствий. Герштейн полагает, что донос вполне мог иметь место. Она утверждает, что после ознакомления со стихотворением Петровых была в таком состоянии, что вполне могла пойти к следователю, чувствуя себя Раскольниковым, с трудом удерживающимся, чтобы не броситься в объятия Порфирия Петровича. Ответственнейшее суждение. Но есть ли для него основания?

Конечно, безумие эпохи сложно влияло на самых достойных людей. Мы знаем, как оговаривали себя на допросах, как подписывали ложные показания, губившие других людей, как надрывно жили в 30-е годы творческие люди. Однако это знание нужно соотносить со всем тем, что нам известно о Марии Петровых.

Герштейн сообщает, что Мандельштам якобы видел у следователя это свое стихотворение, записанное рукой Петровых. Но он мог и ошибиться. Или эта версия могла стать следствием взаимного непонимания при передаче информации от Мандельштама к его жене и от нее к Эмме Герштейн. На такое предположение наводит известный факт: Надежда Мандельштам всю жизнь считала, что Мария Петровых была единственным человеком, записавшим стихотворение с голоса Мандельштама, когда тот читал его наизусть разным лицам. Но крайне важно, что Надежда Яковлевна была убеждена относительно Петровых: «Судя по всей жизни, этот человек вне подозрения». Это мнение самого надежного эксперта.

Существенны и другие аргументы. Не в характере Петровых было хождение с доносами на близких людей к чекистам. И порукой тому - ее творчество. Душа поэта тонко резонирует на его житейские перипетии. Измена себе не обходится без последствий, меняя не только способ миропонимания, но и саму материю стиха. Поэзия - самый тонкий показатель изменений в душевном опыте. Случись донос, на стихи Петровых не могла бы не лечь печать иудина греха. Но присутствие такой печати здесь неощутимо.

Интересен и аргумент А.В. Головачевой. Она утверждает, что ее мать обладала в молодости такой памятью, что не нуждалась в записи стихов. Она запоминала стихотворение с голоса. Отметим, что именно в это легко верится. Поэт живет стихами, и они нередко западают в его память без усилия.

Таким образом, нет полной уверенности даже в том, что Мария Петровых записала стихотворение Мандельштама. Принимая в расчет дальнейшее, можно задаться и таким вопросом: зачем ей нужно было делать запись публично, если она могла по памяти восстановить текст впоследствии наедине?

Наконец, со слов Надежды Мандельштам известно, что Осип Мандельштам на следствии особенно акцентировал осведомленность Марии Петровых в его антисталинской поэзии, потому что хотел оказаться в ссылке вместе с ней. Это «бредовая идея (...) человека, находящегося в экстремальной ситуации» и всегда очень далекого от реальности.

Третий вопрос. Старалась ли Мария Петровых увлечь юного Льва Гумилева?..

Здесь аргументов в пользу подобной версии вообще очень мало. Мать Гумилёва, Анна Ахматова, будто бы строила такие предположения, потому как Мария Петровых была признанной красавицей и женщиной редкого обаяния. Ей казалось, что ее единственный сын не может не увлечься «сиреной». Однако дальше предположений дело никогда не шло. Так утверждает А.В. Головачева, говорящая, что Мария Петровых воспринимала Льва Гумилева как ребенка, а кроме того и как сына Анны Андреевны, к которой испытывала глубочайшие любовь и уважение.

Таким образом, мемуары Э. Герштейн заставляют нас со всей ответственностью оценить некоторые важнейшие моменты жизни М. Петровых. И по зрелом размышлении мы должны воспринять подозрения и намеки мемуаристки как слишком малоосновательные для того, чтобы потребовался радикальный пересмотр наших представлений о замечательной поэтессе и замечательном человеке.